

диалекте татарского языка, в котором много оборотов речи и слов нетатарского происхождения. Мордовский слой в их языке прослеживается слабо. Обучение в школе ведется по-русски. Русский язык распространен и в быту; все каратаи двуязычны.

Материальная культура каратаев почти не отличается от русской. В их жилищах никогда не было нар и вмазанного котла, не выделялась и женская половина, что мы наблюдаем у их соседей татар. Внутренний план избы — средневеликорусский; типичны двурядная связь и покоеобразная застройка двора. Вспашка полей производилась в дореволюционное время двухлемешной сохой такого же типа, как у их соседей — русских и мордвы — эрзи и мокши.

Самобытная народная одежда каратаев не бытует. По собранным нами сведениям, она была близка к эрзянской, но части костюма называли татарскими терминами. Женщины носили белую вышитую рубаху — «аккульмэк», которую подпоясывали шерстяным поясом «чаткыс» с шестью большими кистями на поясице и металлическими подвесками. Поверх рубахи женщины-каратайки надевали летом белый вышитый халат — «чиба» типа эрзянской руци. Весной и осенью мужчины и женщины ходили в «чикмэнях» — кафтанах из сукна домашней валки, со сборами на талии, типа русского «сукмана» и мордовского «суманя», а для зимы имели овчинную шубу «тун». У женщин были широко распространены разнообразные металлические украшения: медные запястья — «белээк», кольца — «йезек», сережки — «церга», бусы и ожерелья из монет. Самобытный женский костюм был вытеснен русским сарафанным комплексом с кокошником и сорокой. Мужчины одевались, как русские крестьяне, только чаще, чем русские, носили войлочные белые шляпы.

Официально православные каратаи еще в начале XX в. сохраняли дохристианские языческие верования; устраивали общественные моления в овраге и в поле, приносили жертвы — домашних птиц и животных: овец, бычков, жеребят. Согласно преданию, и свое прозвище «каратаи» они получили от соседей-татар вследствие того, что приносили в жертву черного жеребенка («кара» — черный, «тай» — жеребенок). Фольклор каратаев, как и их язык, совершенно не изучен; между тем он представляет огромный интерес для этнографов и лингвистов. В фольклорном репертуаре каратаев имеются наряду с русскими, и самобытные песни, пословицы и загадки.

Вопрос о происхождении этой группы мордвы остается пока открытым; он и не может быть решен на основании одних только этнографических материалов, без привлечения данных языка, фольклора и антропологии.

* *
*

Работы Мордовской экспедиции в ближайшие годы будут продолжаться как в самой республике, так и в соседних областях: Горьковской, Куйбышевской, Саратовской, а также на территории Татарской и Башкирской республик.

Особый интерес при изучении происхождения отдельных племенных групп мордовского народа и выявлении процессов культурного взаимодействия мордвы с окружающим немордовским населением представляют районы со смешанным эрзя-мокшанским, мордовско-татарским и мордовско-русским населением. Именно эти районы в ближайшие годы будут подвергнуты комплексному изучению этнографами, лингвистами и антропологами. Будем надеяться, что такое комплексное изучение поможет осветить сложную этническую историю мордовского народа.

В. Н. Белицер

ПОЕЗДКА В ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКУЮ АССР

Летом 1957 г. мной по заданию Института этнографии Академии наук СССР была проведена этнографическая работа на территории Чечено-Ингушской республики. В этой поездке передо мной стояли следующие задачи: сбор материалов по вопросам истории, культуры и быта чеченцев и ингушей, освещение процесса развития республики, а также установление контакта с местными научными учреждениями. Собранный материал должен быть включен в статьи «Чеченцы» и «Ингуши», подготовленные мной для тома «Кавказ» серии «Народы мира».

Не лишним будет указать, что среди народов Кавказа чеченцы и ингуши остаются в настоящее время наименее изученными. Внимания дореволюционных и советских исследователей почти не привлекли ни хозяйство этих народов, ни их домашние кустарные промыслы (бурочно-суконный, гончарный, деревообрабатывающий, кузнечное дело), имевшие, особенно у чеченцев, издавна широкое развитие, ни поселения и жилища, ни национальная одежда, ни семейный быт, ни фольклор. Неправильно освещен в литературе вопрос о тайпах (группа родственников), имеющих важное значение для понимания общественного строя чеченцев. Остался неизученным и быт рабочих грозненских нефтяников, оказывавших значительное влияние на формирование революционного мировоззрения горцев Северного Кавказа.

Собирательская работа проводилась мной на нефтяных промыслах г. Грозного, в одном из высокогорных районов Чечни — Шатойском, отличающемся богатством архитектурных памятников (в частности башенных сооружений) и устного народного творчества, в одном из предгорных районов — Веденском, получившем известность как резиденция Шамиля, и в Первомайском районе, населенном ингушами, именовавшими себя в прошлом галашевцами. Из равнинных районов республики я смог побывать только в Шалинском районе. Кроме того, мной была проведена работа по выявлению и учету интересного для этнографического изучения республики материала в фондах Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея в г. Грозном и Центрального государственного архива Чечено-Ингушской АССР.

В музее, благодаря стараниям его сотрудников и директора В. А. Белогурова, сохранился богатый фотоиллюстративный материал, отражающий историю, культуру и быт чеченцев и ингушей в дореволюционный и советский периоды, а также значительное количество экспонатов: деревянная утварь, медные кувшины для воды, ручная мельница и другие предметы домашнего обихода. К сожалению, в фондах музея нет ни одного предмета одежды и сельскохозяйственных орудий. Как это видно из описи фондов, в музее почти не занимались этнографической работой и приобретением бытовых материалов ни по чеченцам и ингушам, ни по русскому населению, живущему здесь в своей значительной части с XVI в. (например, гребенские казаки).

В настоящее время Краеведческий музей Чечено-Ингушской АССР, созданный на базе бывшего музея Терской области во Владикавказе (ныне г. Ordжоникидзе), является одним из научных центров республики. Сотрудники музея ведут большую научно-просветительную работу: организуют выставки, отражающие историческое прошлое и современную жизнь республики, читают лекции, регулярно издают «Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея», в которых освещаются, преимущественно на местном архивном и полевом материале, вопросы истории, хозяйства, культуры и быта населения края. С 1947 по 1956 г. музей издал девять выпусков по 13—14 авторских листов в каждом, где опубликованы разнообразные материалы и исследования¹. В этом отношении данный музей выделяется среди других музеев Северного Кавказа, в которых издательская работа, к сожалению, до сих пор находится в неудовлетворительном состоянии.

В 1957 г. музей, помещавшийся в сравнительно небольшом одноэтажном здании, имел отделы природы, истории дореволюционного прошлого и истории советского периода. В Отделе дореволюционного прошлого имеется значительное количество археологических экспонатов, собранных в течение многих лет на территории Чечено-Ингушской АССР известным советским археологом-кавказоведом Е. И. Крупновым, который трудился над собиранием материалов, относящихся к эпохе скифов, сарматов и аланов. Имеются также богатые материалы, отражающие историю поселения здесь терских казаков, их быт; историю Кавказской войны; пребывание в Чечне Лермонтова, Полежаева и Л. Толстого.

В Отделе советского периода представлены материалы о революции 1905 г., об Октябрьской социалистической революции и гражданской войне в Чечено-Ингушетии, а также материалы о деятельности Серго Ordжоникидзе и многих видных революционеров, участвовавших вместе с ним в борьбе за победу Советской власти на Тереке. Большое место отведено здесь и истории развития нефтяной промышленности, сельского хозяйства и культуры.

В 1957 г. музей обновил свои экспозиции, был приобретен ряд экспонатов для открытия нового отдела культуры и быта чеченцев и ингушей. В дальнейшем при активной помощи общественности, в первую очередь местной интеллигенции, музей сможет продолжать свою большую и полезную работу, пополняя фонды новыми этнографическими материалами не только по чеченцам и ингушам, но и по русскому населению республики, в частности по гребенским, терским и сунженским казакам.

Следует отметить, что в селении Мужичи Первомайского района в доме, где останавливался Серго Ordжоникидзе, открыт мемориальный музей. Ингуши этого района, и в частности — селения Мужичи, в годы гражданской войны спасли жизнь Серго и его боевых соратников от преследования денкинских банд в период их господства на Северном Кавказе. Находясь под надежной защитой ингушского населения, Серго Ordжоникидзе около шести месяцев руководил борьбой горцев Северного Кавказа против контрреволюции.

Центральный Государственный республиканский архив основан в 1930-х годах на базе выделенных фондов бывшего Терского областного архива в г. Владикавказе. Ознакомившись почти со всеми имеющимися фондами, я должен отметить отсутствие в них материалов по многим вопросам истории, культуры и быта чеченцев и ингушей. Чтобы заполнить этот пробел, сотрудникам архива предстоит большая работа по выявлению материалов, хранящихся в центральных и местных архивах Кавказа, что значительно облегчит создание трудов по истории чеченцев и ингушей.

¹ В. И. Безъязычный, Кавказ в жизни и творчестве А. И. Полежаева (вып. 2—3, 1950); Б. Н. Путилов, Материалы и заметки по традиционному песенному творчеству станиц Грозненской области (там же); Н. И. Штанько, История города Грозного (вып. 1, 1947); И. К. Лосев, Начало ударничества на нефтяных промыслах и заводах Грозного (вып. 6, 1954); П. П. Ятович, Страницы прошлого (вып. 2—3, 1950) и др.

Особую ценность представляют фонды (№ 11, 12) по истории Грозненских нефтяных промыслов и быту рабочих-нефтяников. К материалам этих фондов можно дополнить сведения, полученные мной из уст старых рабочих-нефтяников — М. П. Склонина, С. С. Бутенко, П. Ф. Мельситова и других, проработавших многие годы на промыслах и испытавших на себе капиталистическую эксплуатацию.

Попытаюсь кратко осветить результаты исследований этнографического характера во время моей поездки.

Из многих вопросов исторической этнографии чеченцев и ингушей большой интерес представляет их общественный строй, остающийся еще до сих пор малоизученным. Исстари чеченское общество делилось на отдельные родственные группы — «тайпы», нередко занимавшие, особенно в горах, отдельные населенные пункты с пастбищами, пахотными и сенокосными угодьями. Так, в обследованном нами Шатойском районе по р. Аргун мы повсюду на горных склонах видели близко расположенные друг к другу старинные родовые хутора с боевыми башнями. Все эти населенные пункты составляли одно сельское общество, в данном случае — Итум-Калинское, входившее в свою очередь в Четинское общество, близкое по типу к дагестанским вольным обществам. При поселении в горах учитывались хозяйственные выгоды: в непосредственной близости от села находились обычно пахотные участки, за ними сенокосные и пастбищные угодья. С переселением чеченцев на равнину, где возникли большие населенные пункты, насчитывавшие иногда несколько сотен дворов, порядки эти были нарушены, хотя тайпы и здесь обычно стремились поселиться обособленно, занимая отдельные кварталы.

По архивным данным, всего тайп в Чечне было 120. Сюда входили и тайпы, образованные, вероятно, в период Кавказской войны группами представителей других народов Кавказа, так или иначе попавших на территорию Чечни и сильно очеченившихся. В архивных документах перечислены следующие тайпы такого рода: Тарковская (из Дагестана), Черкесская (из Черкессии), Грузинская (из Грузии), Бацовская (из Цов-Туши), Купчинская (лаки из Дагестана), Галагаевская (из Ингушетии), Гермоевская (крымские татары), Джаевская (аварцы из Аварии). Наиболее известными тайпами чеченцев были Беновская, Зандойская, Бильтеевская, Пантароевская, Дышинская, Гезолоевская — всего около 70 тайп. Помимо указанных родовых делений, в горах существовали «тукумы», объединявшие несколько родовых групп. Чеченская поговорка о безродном человеке гласит: «У этого человека нет ни тайпы, ни тукума». Всего тукумов в Чечне было семь: Малхоевский, Галаевский, Нахчимахновский, Ичкиринский, Чантоевский, Шатоевский, Чеберлоевский². История общественного строя чеченцев ожидает своего будущего исследователя.

В области материальной культуры чеченцев и ингушей значительный интерес представляет жилище. В высокогорных районах жилище состоит в основном из одноярусных каменных домов с плоской крышей; в долинах ущелий р. Аргун, где мне пришлось побывать, почти все дома подобного типа имеют двускатную черепичную крышу. Такие одноярусные дома с двускатной, реже четырехскатной черепичной крышей встречаются и в предгорных лесистых районах. На равнине наибольшее распространение получили прямоугольные, вытянутые в длину саманные дома, широко бытующие также у осетин, кабардинцев, русских и других народов Северного Кавказа. Такие дома очень часто ставят под одной четырехскатной черепичной крышей с сараем; стены их обмазаны с внешней и внутренней сторон раствором глины и побелены известью; комнаты имеют отдельные выходы на террасу, окна широкие с наружными ставнями, выкрашенными большей частью в зеленый цвет, потолок высокий, пол дощатый (за исключением общей комнаты, где пол всегда земляной).

Из оборонительных сооружений большой интерес представляют жилые и оборонительные башни, встречающиеся в особенно большом числе в Горной Ингушетии, откуда, вероятно, они получили свое распространение на территории Чечни. Еще во второй половине XIX в. в жилой башне, состоявшей из трех ярусов, обитала большая семья, или патронимическая группа. Жилая башня обычно располагалась рядом с боевой башней, сооружавшейся в пять ярусов, соединенных через надэтажные лазы посредством подставной деревянной лестницы. Боевую башню строили в форме усеченной пирамиды, в верхних ее ярусах имелось большое количество бойниц. Подобные башни встречаются в верховьях Аргуна, где они расположены вдали от населенных пунктов на горных склонах и в узких проходах; в прошлом они выполняли, по-видимому, функции сторожевой башни.

Нужно отметить, что и башни, и другие виды сооружений, имеющиеся во многих районах Чечни и представляющие большой интерес как архитектурные памятники совершенно не изучены.

* *
*

Открытие Грозненских нефтяных промыслов относится к началу XIX в. Построенный в Моздоке керосиновый завод, один из первых в мире, перерабатывал нефть, добытую на Грозненских и Вознесенских промыслах. Многие годы нефть добывалась примитивным, кустарным способом: рыли колодец и черпали из него нефть деревянными и

² Центральный Государственный архив Чечено-Ингушской АССР, ф. 586, д. 27, л. 75.

кожаными ведрами. Только с 1880—1890-х гг. было введено бурение, намного ускорившее добычу нефти.

В начале XX в., в связи с появлением большого числа русских и иностранных, главным образом бельгийских и английских, акционерных компаний, в окрестностях Грозного вошел в эксплуатацию новый нефтяной район, получивший название «Новые промысла» (ныне Октябрьский район).

Формирование кадров рабочих-нефтяников шло главным образом за счет местного русского и горского населения Кавказа, а также крестьян — отходников из центральных губерний России. Особенно много приезжало отходников из Пензенской, Тамбовской и Казанской губерний. Наиболее многочисленны были казанские татары, в советское время выехавшие обратно на родину, когда там началась разработка нефти. Особой прослойкой на грозненских промыслах были поляки, сосланные сюда после подавления восстания 1863 г. Но основную массу кадровых рабочих составляли русские, оказавшие огромное революционизирующее влияние на сознание горских народов, в первую очередь — на чеченцев и ингушей: они шли в авангарде революционных событий в 1905 г. и особенно в период гражданской войны на Северном Кавказе.

По архивным данным и по сведениям, полученным от наших информаторов, до всеобщей забастовки грозненских нефтяников в 1906 г. условия труда рабочих были крайне тяжелыми; продолжительность рабочего дня была 12—16 час., месячный заработок — не свыше 20 руб., причем предприниматели по любому поводу могли снизить расценки, подвергнуть рабочих штрафам, уволить их. Отсутствовали охрана труда и техника безопасности. На промыслах часто бывали пожары и другие несчастные случаи; рабочие калечились и гибли. Из многочисленных прошений, поданных на имя предпринимателей, видно, что рабочих, потерявших трудоспособность, выбрасывали с промыслов, большей частью без всякой материальной помощи. Основная масса рабочих проживала в поселках на нефтяных промыслах, находившихся от Грозного в радиусе от 5 до 16 км; здесь нефтяники ютились в землянках и маленьких плетеных домиках с плоскими крышами. Многие рабочие жили в казачьих хуторах, расположенных вдали от промыслов. Ни один из рабочих поселков не имел водопровода. Питьевую воду привозили из Грозного и р. Сунжи, находившейся на расстоянии 11—17 км; доставляли воду в деревянных бочках лошадьми, выдавали ее строго по норме (четыре ведра на семью в сутки); для мытья, стирки и пр. пользовались дождевой водой или брали воду из буровых скважин.

Промысла и рабочие поселки тонули в грязи; во время дождей из-за бездорожья часто прерывалось сообщение между отдельными участками промыслов и городом.

На промыслах не было ни одного врача; раз в неделю приезжал врач из Грозного. Среди рабочих свирепствовал тиф, туберкулез, ревматизм и другие болезни, уносившие многие человеческие жизни.

Летом 1906 г. в Грозном вспыхнула всеобщая забастовка, длившаяся более месяца. В результате этой забастовки нефтяники добились 8-часового рабочего дня, увеличения заработной платы, права заключать коллективные договоры с предпринимателями; рабочие стали также получать особую сумму на оплату квартиры; в некоторых рабочих поселках появились водопроводы, многокомнатные каменные дома для семейных рабочих, занимавших в них, однако, не более одной комнаты. Несемейные рабочие жили в казармах, состоявших из четырех равных помещений городского типа с остекленными окнами, высоким потолком и цементным полом, на котором стояли длинные деревянные топчаны с набитыми соломой тюфяками. Зимой казармы отапливались редко. На ночь рабочие ставили для освещения керосиновые коптилки.

Рабочие разных национальностей еще сохраняли отличия в одежде. Горцы и терские казаки носили в нерабочее время черкеску, украинцы — свой национальный костюм, русские старожилы Кавказа надевали специальную форму «мастерового» нефтяных промыслов.

Черты национальной специфики отмечались и в пище. Рабочие из Пензенской и Тамбовской губерний, например, предпочитали щи, украинцы готовили в основном свои национальные кушанья. Различия сохранялись и в семейной обрядности.

Характерным явлением было, что рабочие очень часто брали себе жен в соседних казачьих хуторах и станицах. Казачки с большой охотой выходили замуж за «мастеровых», как они называли нефтяников, чтобы навсегда избавиться от тяжелого труда в станице или на хуторе, где они, кроме домашних забот, должны были наравне с мужчинами участвовать почти во всех полевых работах. Свадьбу обычно справляли в доме невесты, по обычаю терских казаков. Браки между русскими и кавказскими горцами, в частности чеченцами и ингушами, исповедывавшими ислам, были очень редки.

Из песен наиболее широкое распространение имели украинские народные песни. Но казаки пели свои песни, отражавшие быт казачества в далеком прошлом на Кавказе. Горцы продолжали петь свои традиционные песни. Бытовали украинские и русские танцы, однако местные старожилы — терские и кубанские казаки — исполняли в основном лезгинку, заимствованную у горцев. Особенно большой популярностью пользовалась так называемая наурская лезгинка — своеобразный горский темпераментный танец.

До Великой Октябрьской социалистической революции на промыслах, где работало свыше 11 тыс. рабочих, не было ни одной школы, ни одной больницы, никаких культурно-просветительных учреждений, свыше половины рабочих не умели писать. После долгих настояний рабочих в 1905 г. в районе Старых промыслов открылось одноклассное начальное училище, в которое было принято 43 ученика. За обучение

детей надо было вносить плату; школа эта в значительной степени содержалась за счет рабочих. Зато все больше строилось церквей, в городе и на промыслах открывалось все больше винных лавок.

Город Грозный, построенный в начале XIX в., в дореволюционное время ничем не отличался от обычных купеческих городишек. Он утопал в грязи, не имел ни одного сквера. Первый электрический фонарь на центральной улице появился лишь в 1914 г. В городе было всего шесть начальных школ и две больницы: одна — на Старых промыслах и одна (на 10 коек) — в самом городе. Библиотека, абонентами которой являлись служащие и рабочие-нефтяники, была единственным культурным очагом города. На ее полках насчитывалось всего лишь 6570 книг. Главным источником пополнения библиотеки были частные пожертвования.

В годы Советской власти быт нефтяников коренным образом изменился. На месте старых поселков с их полуразвалившимися бараками и землянками выросли социалистические рабочие городки с многоэтажными жилыми домами, культурно-просветительными и коммунальными учреждениями. Вокруг Грозного возникло много новых рабочих поселков, связанных с городом асфальтированными дорогами, а некоторые, кроме того, — железнодорожными и трамвайными линиями. Рабочие живут в новых домах, в квартирах с центральным отоплением, газом, ванной. Многие нефтяники имеют собственные дома с фруктовыми садами и огородами. Часть несемейных рабочих живет в благоустроенных общежитиях.

В рабочих поселках имеются школы, клубы, библиотеки, амбулатории, родильные дома, детские сады, ясли и т. д. Среди дворцов культуры нефтяников особенно славится Дворец культуры им. Кирова на Новых промыслах — трехэтажное здание с зрительным залом на 600 мест, тапцевальным, лекционным, читальным залами, общей и технической библиотекой, насчитывающей около 14 тыс. книг и журналов. Во Дворце культуры работают кружки: художественной самодеятельности (хоровой, танцевальной, драматической, музыкальной), кружок кройки и шитья. Часто проходят концерты артистов, приезжающих из Москвы, Ленинграда, Баку, Тбилиси, Орджоникидзе и других городов страны, регулярно читаются лекции на политические и научные темы. Только за первое полугодие 1957 г. было проведено 72 лекции и доклада, на которых присутствовало около 8 тыс. человек.

Коренным образом изменилось и медицинское обслуживание рабочих. В 1957 г. в одном только Грозном было 10 больниц на 1185 коек, 78 врачей и 1703 работника среднего медицинского персонала.

За годы Советской власти Грозный стал одним из крупнейших экономических и культурных центров Кавказа. Достаточно сказать, что до открытия нефтяных районов на востоке страны Грозненские нефтяные промыслы занимали по добыче нефти второе место после Баку.

* * *

Коммунистическая партия и Советское правительство оказывают огромную помощь в развитии Чечено-Ингушской АССР.

В 1958—1960 г. намечено построить в республике ряд крупных промышленных предприятий, в том числе завод по производству запасных частей к автомобилям, инструментальный завод по производству оборудования для пищевой промышленности, а также ряд предприятий по производству строительных материалов: цементный, алебастровый заводы, новые кирпичные и черепичные заводы и т. п.

Намечены также обширные мероприятия по дальнейшему развитию сельского хозяйства республики. В 1957 г. здесь на базе МТС и колхозов в ряде районов (Гудермесский, Назрановский, Малгобекский, Шалинский, Урус-Мартановский и Надтеречный), населенных в основном чеченцами и ингушами, созданы 11 совхозов с животноводческим уклоном. На полях колхозов и совхозов в 1957 г. работало 3512 тракторов, 529 комбайнов и много других сельскохозяйственных машин. Почти все основные полевые работы — вспашка и посев зерновых и технических культур, уборка зерновых, подсолнечника — механизированы.

Исключительно доходными отраслями сельского хозяйства в Чечено-Ингушской АССР являются сады и виноградники; их развитию благоприятствуют природные и климатические условия. В ближайшее время в республике будет организовано 9 новых виноградарских совхозов, построены 13 заводов первичной обработки винограда и винодельческий завод. Соответственно будет увеличена площадь под виноградниками в колхозах и совхозах.

Началось внедрение новой сельскохозяйственной культуры — сахарной свеклы, посевы которой в 1960 г. будут доведены до 12 тыс. га. Для переработки свеклы будет построен сахарный завод, рассчитанный на 25 тыс. ц свеклы в сутки.

Наряду с этим проводятся большие ирригационные работы, что будет содействовать получению высоких урожаев зерна, овощей и других сельскохозяйственных культур. Будет закончено строительство Наурско-Шелковской ветви Терско-Кумского канала, орошены Гудермесская площадь и Самашкинские участки.

Развитию сельского хозяйства в горах будет способствовать строительство новых дорог: Советское — Итумкале, Советское — Шаро-Аргун, Грозный — Ведено, Ножной — Юрт-Саясан, Первомайское — Ялхарой и др.

Значительные успехи имеет и животноводческое хозяйство республики, в частности разведение тонкорунных и полутонкорунных овец, главным образом в степных районах республики. За период с 1957 по 1960 г. поголовье здесь увеличится с 260 тыс. голов овец до 402 тыс.

Большой размах приобрело школьное и культурно-бытовое строительство. В 1957 г. здесь имелось 356 школ, в которых обучалось 80 448 учащихся. Кроме того, созданы 19 школ рабочей молодежи, организованы 7 школ-интернатов, в которых воспитываются 1138 детей. В республике два высших учебных заведения — Нефтяной и Педагогический институты; 11 техникумов и средних специальных учебных заведений, в которых обучается 11,5 тыс. студентов.

Большую работу проводит Научно-исследовательский институт истории языка и литературы. В Педагогическом институте открыто специальное отделение по подготовке преподавателей родного и русского языков. В 1957 г. подготовлено и направлено в школы 300 учителей; в том же году было принято в Педагогический институт 133 чеченца и ингуша, в Нефтяной институт — 91, в Нефтяной техникум — 30, в Педагогическое училище — 145; значительное число чеченцев и ингушей поступило в вузы и техникумы соседних республик.

В Чечено-Ингушской республике действует широкая сеть культурно-просветительных учреждений: 208 библиотек с книжным фондом 1 235 534 тома, 215 домов культуры, 179 киноустановок; открыта республиканская детская библиотека. Началось строительство республиканской библиотеки на 560 тыс. томов, пяти районных домов культуры и республиканского драматического театра на 800 мест. Большой популярностью пользуется Республиканский ансамбль песни и танца, состоящий из 60 человек; в республике работает Чечено-Ингушский драматический театр, а также оркестр музыкальных инструментов в составе 55 человек. Коллектив этот много сделал по сбору и пропаганде чечено-ингушского музыкального фольклора и по созданию новых музыкальных произведений. Из этого оркестра вышли известные в республике музыканты: заслуженный артист Чечено-Ингушской АССР У. Димаев, Самбиев, Эльмурзаев, Усманов и др.

Проводится большая работа по подготовке кадров театральных работников. С этой целью было направлено в Ленинградский театральный институт им. Островского 18 юношей и девушек. В 1958 г. при Тбилисском хореографическом училище откроется национальная студия, где будут обучаться балетному искусству юноши и девушки и из числа чеченцев и ингушей.

В настоящее время в республике выходят на русском, чеченском и ингушском языках 22 газеты, из них 4 республиканские; разовый тираж всех газет достигает 99 тыс. экземпляров. Большими тиражами издаются учебники, политическая и художественная литература. В республике широко известны видные чеченские и ингушские писатели и поэты: А. Арсанов, М. Мамакаев, Д. Яндиев, Х. Муталиев, И. Базоркин, Х. Осмиев и др.

Таким образом, благодаря помощи государства и всех братских народов, успешно осуществляется развитие промышленности, сельского хозяйства и культуры Чечено-Ингушской АССР. Одновременно встают задачи изучения истории и быта чеченцев и ингушей и оказания в этом деле всемерной помощи республике институтами Академии наук СССР.

Б. Калоев